

Божественная богадельня

Гари Лим

Гари Лим

Божественная богадельня

«Автор»

2026

Лим Г.

Божественная богадельня / Г. Лим — «Автор», 2026

Тут стены рушатся каждую среду, боги приходят «за солью», а Апокалипсис требует подписать акт приема-передачи. Но настоящий ужас — не демоны, а квартальный отчет в Небесную Канцелярию. И ипотека. Лени — летописец Шестого храма. Вместо героических хроник он фиксирует, как Верховный Жрец тонет в фонтане, а порядок требует компенсацию за ущерб восьмисотлетней давности, он пришёл с этой претензией спустя 814 лет, потому что «открылось повторное окно приема заявлений». Здесь боги теряют достоинство, небесные чиновники достают с проверками, а единственное спасение — горячий чай с бергамотом и старая кружка с трещиной. Смешное, теплое и очень человеческое фэнтези для тех, кто знает: даже у конца света есть бюрократия.

© Лим Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1, в которой бог войны потерял достоинство, Верховный Жрец упал в фонтан, а я допил чай	5
Глава 2, в которой мощи святого оказались слишком активными, Аудирей пытался совершить чудо, а я в третий раз за неделю менял воду в чайнике	10
Глава 3, в которой сестра Инга пришла с проблемой, демон оккупировал шкаф, а я узнал, что у формы 3-С есть инструкция	15
Глава 4, в которой Порядок требовал компенсацию за ущерб восьмисотлетней давности, Хаос просил субсидию на беспорядки, а Верховный Жрец Аудирей в очередной раз доказал, что диплом семинарии – это всего лишь бумага	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Гари Лим

Божественная богадельня

Глава 1, в которой бог войны потерял достоинство, Верховный Жрец упал в фонтан, а я допил чай

Меня зовут Лени, мне тридцать шесть лет, я летописец Шестого храма, и сегодня я впервые в жизни видел, как бог войны обоссался от страха.

Сразу скажу: это был не я.

Вообще-то по штатному расписанию я числюсь «Свидетелем Катастроф». Звучит классно, правда? В Академии Летописцев нам показывали картинки: мужественные профили на фоне горящих городов, развевающиеся плащи, перья, которыми записывают последние слова умирающих героев.

Никто не говорил, что «Свидетель Катастроф» – это на 80% «сиди и жди, пока что-нибудь случится», а на оставшиеся 20% – «ну вот, случилось, теперь разгребай».

Но самое обидное не это.

Самое обидное – что в Шестом храме катастрофы случаются каждую среду.

Иногда во вторник, если среда выпадает на праздник.

Утро началось как обычно.

Я пришел на работу в семь утра, потому что если прийти в восемь – Гарик, старый сторож, занимает чайник и потом полчаса рассказывает, как в его время демоны были приличными и хотя бы стучались перед тем, как прорываться в мир живых.

Чайник был свободен. Я заварил себе большую кружку – ту, с трещиной и надписью «Лучшему летописцу эпохи Возрождения» (купил на ярмарке за три медяка, продавец сказал, что Возрождение было на прошлой неделе) – и устроился в своей каморке.

Каморка – это громко сказано. Бывшая кладовая для метелок. Три на три, окно выходит во внутренний двор, где Гарик сушит тряпки. Зато есть стол, стул и розетка. Для счастья больше ничего и не надо.

В половине восьмого прибежал послушник Тибон.

– Там это... – сказал он, задыхаясь. – Короче, там...

– Дыши, – посоветовал я, не отрываясь от кружки. – Алтарь горит? Верховный Жрец снова заперся в туалете с «важными текстами»? Или опять призрак в подвале перекладывает банки с соленьями?

– Бог войны пришел! – выпалил Тибон.

Я допил чай. Поставил кружку. Посмотрел на него.

– С какой целью?

– Не знаю! Он большой! И с мечом!

– Большой – это насколько? Как в прошлый раз, когда демон жадности застрял в дверях и нам пришлось вызывать плотника?

– Больше! – глаза Тибона были размером с те самые двери. – Он говорит, его зовут Кропор! Пожиратель Бездны! Владыка Стали и Крови!

– А, этот, – сказал я. – Я думал, он мифический.

– Ты знаешь его?!

– Ну, читал. В «Кодексе Божественных Сущностей», том три, страница сто сорок семь. Есть иллюстрация. Там он на колеснице, в окружении молний. Очень грозный.

Тибон смотрел на меня так, будто я сообщил, что у меня с богом войны общий стоматолог.

– Ты не пойдешь смотреть?

– У меня чай, – сказал я. – И отчет за прошлый месяц до сих пор не подписан. Если боги начнут ходить каждый день, я никогда не сдам эти бумаги.

Но Тибон уже убежал.

Я вздохнул, допил чай (вторую кружку, потому что первая закончилась еще на слове «Владыка»), взял перо, чернила и чистый лист.

Форма 3-С: «Свидетельство явления сверхъестественной сущности».

Графа 1: «Наименование сущности».

Графа 2: «Цель визита».

Графа 3: «Нанесенный ущерб».

Графа 4: «Принятые меры».

Бумага в Шестом Храме – отдельный вид искусства. Она пахнет вековой пылью и чьей-то безнадегой. Края желтые, даже если лист только что из пачки. Создается впечатление, что эту форму заполняли уже раз пятьсот, просто каждый раз стирали текст и начинали заново.

Я вышел в главный зал.

Там было... шумно.

Кронор, Пожиратель Бездны, Владыка Стали и Крови, оказался мужиком лет сорока пяти с внешностью уставшего тренера по борьбе. Огромный, да. Доспехи – явно не с его плеча, натирают, судя по тому, как он постоянно дергал левый наплечник. Плащ развевался, хотя в храме не было ни малейшего сквозняка – видимо, божественная магия работала на пределе возможностей.

Меч был внушительный. Я бы даже сказал – очень внушительный. Таким мечом можно было бы разрубить дракона пополам, если бы дракон согласился стоять на месте и ждать, пока Кронор занесет эту дуру над головой.

Проблема была в другом.

Напротив Кронора стояла ОНА.

Я не знаю, как это назвать. Демон? Тварь? Сущность?

В протоколе я потом напишу: «Неопознанное существо, предположительно класса 4-В (внепространственное)».

Но в тот момент, глядя на нее, я думал только: «Вот оно. То, перед чем даже бог войны – просто мужик с большим мечом и проблемной осанкой».

У нее не было формы. Не в том смысле, что она бесформенная. А в том, что форма менялась каждую секунду. Секунду назад это была гора мышц и клыков. Сейчас – нечто длинное, тонкое, с конечностями, которые складывались под немыслимыми углами. Потом – снова гора.

И она смотрела на Кронора.

Не с ненавистью. Не с голодом. С любопытством.

Как смотрят на муравья, который вдруг замахнулся лапкой.

Кронор шагнул вперед. Плащ взметнулся. Меч полыхнул багровым – красиво, искры даже в разные стороны полетели.

– Я – Кронор, Пожиратель Бездны, Владыка Стали и Крови! – рявкнул он так, что у послушников, прятавшихся за колоннами, заложило уши. – Кто ты, дерзнувший осквернить этот храм?!

Тварь повернула голову.

Медленно.

С хрустом шейных позвонков, которых у нее было явно больше, чем положено.

Кронос сделал шаг назад.

– Я... – начал он.

Тварь сделала шаг вперед.

– Я вообще-то... – голос Кронора дрогнул. – Я тут мимо шел. Честно. Просто за солью заглянул. У вас тут, говорят, соль есть? Мне для жертвоприношений надо.

Тварь наклонила голову.

Из ее пасти – или того, что сейчас было пастью – вырвался звук.

Похожий на смех умирающего вулкана.

И тогда Кронор, Пожиратель Бездны, Владыка Стали и Крови, обоссался.

Буквально.

Теплая, очень немагическая струя потекла по его начищенным поножам и образовала небольшую лужицу на мозаичном полу, изображающем Творца, изгоняющего тьму.

В зале повисла тишина.

Послушники за колоннами перестали дышать.

Тибон, стоявший в дверях, открыл рот и забыл его закрыть.

Даже тварь – эта безымянная, неопишуемая, космическая жуть – замерла. Казалось, она пытается осмыслить увиденное.

Я поставил кружку на ближайший подсвечник, достал перо и обмакнул его в чернила.

– Это пойдет в хронику, – сказал я вслух. – У меня квартальный отчет.

Дальше было весело.

Тварь, видимо, потеряв интерес к богу, который не оправдал ожиданий, начала медленно – и я подчеркиваю: медленно, как будто издеваясь – разворачиваться к выходу.

Кронор стоял, не шевелясь. Его лицо приобрело цвет застиранной простыни.

В этот момент в зал влетел Верховный Жрец Аудирей.

Аудирей – это отдельная статья расходов моего душевного здоровья. Ему пятьдесят семь лет, он носит мантию, расшитую золотом настолько густо, что ее невозможно стирать, и свято верит, что боги говорят лично с ним.

Боги с ним не говорят. Я проверял. Я даже оставлял словолов в его покоях.

Но Аудирей убежден в своей избранности с упорством, достойным лучшего применения.

– Именем Света! – заорал он, вбегая и эффектно вздымая посох, которым обычно подпирал дверь своей кельи. – Изыди, исчадие тьмы!

Тварь повернула к нему то, что в данный момент было головой.

Аудирей сделал шаг вперед, зацепился за собственную мантию, взмахнул руками, попытался сохранить равновесие...

...и с громким всплеском рухнул в фонтан, стоявший ровно в центре зала.

Фонтан, кстати, был посвящен богине мудрости. Вода там не обновлялась с прошлого вторника, потому что Гарик сказал, что «и так сойдет». И к этому моменту, имела уже слегка зеленоватый оттенок.

Аудирей вынырнул, отплевываясь и хватая ртом воздух. Его позолоченная мантия мгновенно впитала литры воды и теперь тянула его на дно, как якорь.

– Помогите! – прохрипел он. – Я тону! Я – Верховный Жрец! Я не могу утонуть в фонтане!

Тибон и еще двое послушников бросились его вылавливать.

Тварь смотрела на это представление с выражением, которое у людей называется «кринж».

Потом она развернулась – на этот раз уже окончательно – и, проломив стену, ушла.

Не портал. Не телепортация. Просто проломил стену и ушла.

Кирпичи посыпались наружу. В образовавшуюся дыру хлынул утренний свет и холодный воздух.

Я вздохнул и записал:

«Графа 3: нанесенный ущерб – одна стена (несущая, центральный неф). Оценка ремонта: дорого».

Через час все более-менее устаканилось.

Кронор, Пожиратель Бездны, стоял в углу главного зала, делал вид, что рассматривает витражи, и старался не смотреть на мокрое пятно на своих штанах.

Аудирей, завернутый в три пледа и все равно дрожащий, сидел на скамье ипил горячее вино, которое ему принес Гарик.

– Ты видел?! – возмутился Аудирей. – Я бросил вызов этой твари! Я был готов сражаться! Если бы не эта дурацкая мантия...

– Да-да, – сказал Гарик, не скрывая зевоты. – Ты герой. Все видели.

Послушники разбирали завалы. Тибон нашел в куче мусора отбитую голову статуи Творца и теперь держал ее в руках с растерянным видом.

– Куда это деть? – спросил он.

– В подсобку, – ответил я, не отрываясь от формы. – Секция «Поврежденные артефакты», полка три. И запиши в журнал.

– А что писать?

– «Голова Творца. Утеряна в результате...» – я задумался. – Напиши «в результате божественного вмешательства». Так все делают.

Тибон кивнул и ушел, бережно неся голову под мышкой.

Я дописал отчет, поставил подпись и посмотрел на Кронора.

Он все еще стоял у витража. Спина прямая, плечи расправлены – видимо, вспоминал, как надо держать осанку, когда ты бог войны.

– Ваше Божественное Величество, – сказал я.

Он дернулся, как будто его ударили током, и резко обернулся.

– Чего тебе, смертный?

– У меня вопрос по графе 4.

– По какой графе?!

– «Принятые меры». Вот тут написано: «Сущность удалилась самостоятельно». Но, строго говоря, она не удалилась. Она проломила стену и ушла. Это считается «удалилась» или это «принудительное выдворение»?

Кронор смотрел на меня так, будто я предложил ему пересчитать налоги за последние три тысячелетия.

– Тебе... тебе не все равно? – выдавил он.

– Мне – да. Но отчет пойдет в архив, а потом на проверку. Если я напишу «принудительное выдворение», к нам пришлют комиссию из Второго Храма выяснять, какими именно методами мы выдворяем внепространственные сущности. А если напишу «удалилась самостоятельно», комиссия не приедет. Поэтому – удалилась самостоятельно?

Кронор моргнул.

– Удалилась, – сказал он. – Самостоятельно.

– Отлично. Распишитесь вот здесь.

Я протянул ему форму и перо.

Кронор взял перо так, будто впервые держал в руках что-то тоньше рукояти меча. Расписался. Поставил кляксу. Посмотрел на кляксу с удивлением.

– Мне говорили, что... – начал он и замолчал.

– Что?

– Что быть богом – это почетно. Что тебя чтят, уважают, приносят жертвы. Что ты – вершина мироздания.

Он посмотрел на дыру в стене.

– Никто не говорил, что однажды ты зайдешь в храм за солью, встретишь там нечто, по сравнению с которым ты – муравей, и обоссешься перед кучкой смертных, у которых даже иконы криво висят.

Я забрал у него форму, аккуратно промокнул кляксу и положил лист в папку.

– Соль, – сказал я. – Вам какую? Крупную или мелкую?

Кронор ушел через час, унося под мышкой мешочек соли (крупной, «Гарик сказал, эта лучше») и странное выражение лица – смесь унижения и облегчения.

Гарик проводил его взглядом и покачал головой.

– В мое время, – сказал он, – боги были скромнее. Заходили, брали, что надо, расписывались в книге учета. А этот... соль ему подавай.

– Гарик, – сказал я. – Ты когда-нибудь видел такое? Ну, эту... тварь?

Он помолчал.

– Видел, – сказал он наконец. – Один раз. Лет пятьдесят назад. Тоже в храме. Только тогда это был не демон и не бог. Это было... само место. Понимаешь?

Я не понимал.

– Не важно, – Гарик махнул рукой. – Иди лучше чайник поставь. Аудирей все вино вылакал, у него теперь икота. Слышишь?

Из главного зала доносилось:

– И-и-ик... Именем Света... и-ик...

Я вздохнул и пошел ставить чайник.

Вечером, когда все разошлись, я сидел в своей каморке и перечитывал дневную запись.

«Явление бога войны Кронора.

Цель визита: приобретение соли.

Явление внепространственной сущности класса 4-В.

Цель визита: не установлена.

Нанесенный ущерб: стена несущая, центральный неф; статуя Творца (голова); мозаичный пол (локально, следы жизнедеятельности божества).

Принятые меры: составлен акт, вызван плотник.

Особые отметки: Верховный Жрец упал в фонтан».

Я посмотрел на кружку. Чай остыл.

Где-то вдали, за стенами Шестого Храма, мир готовился к очередному концу света. Боги сражались с демонами. Герои совершали подвиги. Пророчества исполнялись с унылой регулярностью.

А здесь, в кладовке для метелок, сидел я, летописец, и дописывал отчет о том, как бог войны потерял достоинство от страха.

За окном прокричала ночная птица.

– Завтра среда, – сказал я вслух. – Значит, опять что-нибудь случится.

Кружка молчала. Кружка никогда не давала советов. За это я ее и любил.

Я закрыл папку, погасил свечу и пошел домой.

—

Продолжение следует,

если меня не сожрут демоны и начальник не заставит переписывать отчет за прошлый месяц.

А он заставит.

Он всегда заставляет.

Глава 2, в которой мощи святого оказались слишком активными, Аудирей пытался совершить чудо, а я в третий раз за неделю менял воду в чайнике

После среды наступает четверг.

Это открытие я сделал двадцать лет назад и с тех пор ни разу не имел повода в нем усомниться.

Четверг в Шестом храме – день тихий. Боги отдыхают после приемного дня. Демоны досыпают в подвале. Даже призрак, который живет в туалете и вечно перекладывает банки с солениями, в четверг просто сидит на бачке и смотрит в одну точку.

Я как раз доливал вторую кружку, когда в каморку ворвался Тибон.

– Там это... – выдохнул он. – Короче, там...

– Дыши, – сказал я. – Если бог войны снова пришел за солью, скажи ему, что крупная закончилась, а мелкая – на третьей полке в подсобке, ключ у Гарика.

– Не бог! – Тибон замотал головой так, что уши хлопнули. – Мощи!

Я отставил кружку.

– Чьи?

– Не знаю! Привезли только что! Воняет святостью на весь двор!

Мощи прибыли в сосновом ящике, обвязанном веревкой с печатями.

Печати были внушительные: воск, сургуч, оттиск какого-то храма, которого уже лет сто как снесли. Веревка – пеньковая, толстая, с узлами, которые даже Гарик развязывал минут пять, все это время матерясь шепотом и вспоминая «приличных курьеров, которые хотя бы нож с собой носили».

Ящик стоял посреди главного зала, прямо перед фонтаном.

Вокруг собрались все, кому нечем было заняться в четверг утром: Тибон, двое послушников, Гарик с тряпкой через плечо и – откуда ни возьмись – сестра Инга.

– Это надолго? – спросила Инга.

Она стояла у колонны, скрестив руки на груди. На поясе – меч. На лице – выражение человека, который пришел убивать демонов, а попал на доставку культовых объектов.

– Понятия не имею, – честно сказал я. – Я вообще не заказывал.

– Я тоже, – сказала Инга. – Но если эта штука начнет светиться или летать – я уйду. У меня сегодня выходной.

– У тебя всегда выходной, – заметил Гарик, не отрываясь от веревки.

– Именно, – кивнула Инга. – И я его ценю.

Веревка наконец поддалась. Гарик отбросил ее в сторону, крикнул и откинул крышку.

Из ящика пахнуло... ну, мощами.

Это специфический запах. Не скажу, что он неприятный. Просто очень старый. Как бабушкин сундук, который не открывали лет пятьдесят, но при этом бабушка была святой и сундук тоже.

Внутри, на подушке из выцветшего бархата, лежали кости.

Не весь скелет. Так, набор: несколько позвонков, часть таза, ребро, фаланга пальца и – отдельно, в маленьком мешочке – что-то, похожее на зуб.

– Красиво, – сказал Гарик. – Чьи хоть?

Я перевернул сопроводительный лист, приклеенный к внутренней стороне крышки.

Там было написано:

«Святой. Имя не установлено. Период активности: предположительно Раннее Средневековье. Канонизирован посмертно. Особые приметы: при жизни отличался смиренным нравом и склонностью к чудесам. После смерти склонность сохранил».

– И что это значит? – спросил Тибон.

– Это значит, – сказал я, – что мы не знаем, кто это, когда он жил и за что его канонизировали. Но он умел творить чудеса и, судя по всему, не разучился.

– И что нам с ним делать? – спросил Тибон.

– Хоронить? – предположил Гарик. – Раз уж умер.

– Его уже похоронили, – сказал я. – Пятьсот лет назад. Теперь это экспонат.

– Тогда в подсобку, – резюмировал Гарик. – Секция «Неопознанные артефакты», полка четыре, к соседям поближе.

– Нельзя, – раздался голос сзади.

Мы обернулись.

В проеме двери, заложив руку за борт мантии (совершенно сухой, заметьте), стоял Верховный Жрец Аудирей.

– Мощи святого, – произнес он торжественно, – не могут пылиться в подсобке. Это дар небес. Это знак. Это...

Он запнулся, подбирая слово.

– ...повод, – закончил я.

Аудирей посмотрел на меня с укоризной.

– Возможность, – поправил он. – Возможность явить пастве чудо.

– Паства, – сказал Гарик, – это мы. Нас четверо. И мы не просили.

– Паства, – отрезал Аудирей, – это весь Дракоярск. И они ждут.

– Кто ждет? – искренне удивился Тибон. – У нас даже сайта нет.

Аудирей пропустил это мимо ушей.

– Завтра, – объявил он, – мы проведем торжественное богослужение в честь обретения мощей. Будут молитвы, песнопения, возможно, небольшое шествие. И, с помощью этого святого, – он благоговейно коснулся края ящика, – я совершу чудо.

– Какое? – спросил я.

Аудирей задумался.

– Еще не решил, – признался он. – Но чудо будет впечатляющим.

Инга молча развернулась и ушла.

Я ей почти завидовал.

Подготовка к чуду заняла весь остаток четверга и половину пятницы.

Аудирей носился по храму, раздавая указания, которые никто не выполнял. Тибон пытался оттереть вековую пыль с мощей мягкой щеточкой, но Гарик сказал, что «пыль – это тоже история» и «если убрать пыль, святость выветрится».

Я сидел в своей каморке и заполнял форму 7-Д: «Акт приема-передачи культовых объектов неустановленного происхождения».

Графа 4: «Состояние объекта на момент передачи».

«Удовлетворительное. Кости целы. Зуб на месте».

Графа 5: «Особые отметки».

«Склонен к чудесам. Рекомендуются не оставлять без присмотра».

Графа 6: «Подпись принимающего».

Я расписался, поставил кляксу, посмотрел на кляксу. Клякса смотрела на меня.

– Ты тоже чувствуешь, что это плохая идея? – спросил я.

Клякса молчала. Кляксы редко дают советы. Но если бы давали – уверен, она бы сказала: «Беги».

Я не побежал. У меня был чай.

В пятницу утром в храм начали стекаться люди.

Не могу сказать «паства», потому что паства подразумевает регулярность. Эти же были просто зеваки. Кому-то Тибон успел разболтать в местной пекарне. Кто-то увидел объявление, которое Аудирей собственноручно нацарапал на двери (там было: «ЧУДО! ЗАВТРА! ВХОД СВОБОДНЫЙ!») – и приписка Гарика: «На ремонт стен сбор добровольных пожертвований»).

К полудню в главном зале набралось человек сорок. Гарик сколотил из досок подобие подиума и водрузил на него ящик с мощами. Аудирей облачился в парадную мантию – ту самую, золотую, которую невозможно стирать. Она еще хранила память о фонтане: местами выщела, местами покрывалась разводами, но в целом смотрелась величественно.

– Братья и сестры! – начал Аудирей, воздевая посох.

– Я вообще поесть зашел, – сказал мужик в первом ряду. – Тут написано «чудо», а это бесплатно?

– Чудо бесплатно, – ответил Аудирей с достоинством. – Благодать не продается.

– А хлеб? – уточнил мужик.

– Хлеб – в лавке за углом.

Мужик кивнул и остался. Видимо, решил, что раз уж пришел, надо досмотреть.

Аудирей переждал шум и продолжил:

– Сегодня мы обрели мощи великого святого! Имя его сокрыто от нас, но деяния – явлены!

Он сделал паузу, обвел взглядом зал и торжественно провозгласил:

– Я, Верховный Жрец Аудирей, именем Света и Равновесия, призываю благодать этого святого! Да свершится чудо!

Он простер руку над ящиком.

Ничего не произошло.

Аудирей подождал. Поправил мантию. Простер руку еще раз, с большим нажимом.

– Именем Света! – повторил он.

Тишина.

В зале кто-то кашлянул.

– Может, ему имя надо? – шепнул Тибон. – Святому. Чтобы знал, кого приывают.

– Мы не знаем имени, – напомнил я.

– А может, он откликается на кличку?

– У святых нет кличек.

– Ну, прозвище.

Гарик крикнул:

– В документах написано: «Отличался смиренным нравом». Может, он стесняется?

Аудирей тем временем зашел с другой стороны.

– О, великий неизвестный святой! – воззвал он. – Тот, чьи мощи покоятся в сем ящике! Тот, чье имя вычеркнуто из скрижалей, но не из памяти небес! Яви нам знамение!

И тут мощи отозвались.

Сначала я подумал, что мне показалось. Но Гарик рядом выдохнул матерное слово, которое я никогда не слышал от него раньше. Тибон открыл рот и забыл его закрыть. Даже мужик в первом ряду перестал жевать.

Кости засветились.

Не сильно. Тусклым, желтоватым светом – как старый фонарь, который работает на честном слове и памяти о лучших временах. Позвонки пульсировали в ритме, похожем на сердцебиение. Ребро дрожало.

А фаланга пальца – та самая, отдельная – медленно приподнялась над бархатной подушкой и замерла в воздухе.

– Оно живое, – прошептал Тибон.

– Оно мертвое, – поправил Гарик. – Просто активное.

Аудирей смотрел на светящиеся кости с выражением, которое бывает у человека, который всю жизнь просил у богов знак, а когда ему наконец дали пакет с документами, обнаружил, что не захватил ручку.

– Чудо, – выдохнул он. – Я совершил чудо.

– Оно само, – сказал Гарик.

– Неважно, – отмахнулся Аудирей. – Главное – результат.

Он повернулся к зрителям, намереваясь, видимо, прочитать проповедь о силе веры.

Но тут фаланга пальца дрогнула, развернулась и указала прямо на Аудирея.

Народ загудел.

– Это он святой? – спросил кто-то.

– Да нет, это палец на него показывает.

– Может, это обличение?

Аудирей побледнел. Фаланга висела в воздухе, неумолимая, как налоговая инспекция.

– Я... – начал Аудирей. – Я никогда...

Палец качнулся ближе.

– Я честно служил! – пискнул Верховный Жрец.

Палец замер. Потом – очень медленно, с явной неохотой – опустил обратно в ящик.

Свет погас. Кости перестали дрожать.

В зале повисла тишина, густая, как кисель в столовой Шестого храма (которую закрыли пять лет назад, но память о киселе жива до сих пор).

– Это было... чудо? – неуверенно спросил мужик в первом ряду.

– Это было недоразумение, – сказал Гарик. – Расходитесь, граждане. Представление окончено.

Зеваки начали расходиться, перешептываясь. Кто-то хихикал. Кто-то качал головой. Мужик в первом ряду, так и не дождавшись бесплатного хлеба, ушел последним, бросив на прощание:

– А говорили – чудо. Так, пальцем помахали и все.

Аудирей стоял у ящика, смертельно бледный. Его парадная мантия, еще утром сиявшая золотом, теперь казалась просто грязной тряпкой.

– Оно на меня показало, – прошептал он. – Ты видел? Оно показало на меня.

– Видел, – сказал я.

– За что? Я же...

Он не договорил. Просто стоял и смотрел на мощи.

Гарик вздохнул, подошел к ящику и аккуратно закрыл крышку.

– Святые, – сказал он, – они справедливые. Может, ты ему просто не понравился.

– Но я Верховный Жрец! – голос Аудирея дрогнул. – Я должен нравиться святым!

– Должен – не значит будешь, – философски заметил Гарик. – Ладно, пошли чай пить.

Тибон, занеси ящик в подсобку.

– А чудо? – спросил Тибон, поднимая мощи.

– Чудо мы уже видели, – сказал Гарик. – Теперь будем разбираться, что оно значило.

Аудирей не двинулся с места.

– Идемте, ваше святейшество, – позвал я. – У Гарика заварка новая, клубничная.

Он поднял на меня глаза. В них было столько растерянности, что на миг он перестал быть Верховным Жрецом и стал просто пожилым мужчиной в грязной мантии, на которого только что указал палец мертвеца.

– Ты думаешь, – спросил он тихо, – я плохой жрец?

Я помолчал.

– Я думаю, – сказал я наконец, – что вы очень стараетесь. Иногда слишком громко. Иногда не туда. Но вы здесь уже тридцать лет, и храм еще не развалился.

– Стены разваливаются, – напомнил Гарик из-за спины.

– Стены – не храм, – сказал я. – Стены – это стены. А храм – это вы. И Гарик. И Тибон. И даже сестра Инга, хотя она никогда в этом не признается.

Аудирей посмотрел на меня долгим взглядом.

– Ты циник, Лени, – сказал он. – Самый страшный циник из всех, кого я встречал.

– Я летописец, – поправил я. – Цинизм – профессиональная деформация.

– И при этом, – продолжал Аудирей, – ты единственный в этом храме, кто говорит со мной как с человеком.

Он выпрямился, поправил мантию (безнадежно, золото уже не отстирать) и медленно побрел к выходу из зала.

– Чай, говоришь, клубничный? – бросил он через плечо.

– С бергамотом, – уточнил Гарик. – Клубника была в прошлый раз, сейчас бергамот.

– Бергамот так бергамот, – вздохнул Аудирей.

Вечером я сидел в каморке и дописывал отчет.

Форма 7-Д, дополнение:

«В ходе осмотра объект проявил признаки активности: свечение, пульсация, левитация отдельных элементов. Зафиксирован эпизод невербальной коммуникации (объект указал фалангой пальца на Верховного Жреца Аудирея).

Характер коммуникации: предположительно обличительный.

Содержание: не установлено».

Я отложил перо и посмотрел на кружку.

Чай остыл.

Где-то в подсобке, на полке «Неопознанные артефакты», в сосновом ящике с обгрызенными углами, лежали кости святого, который не захотел творить чудо, зато захотел ткнуть пальцем в нашего Верховного Жреца.

За стеной Гарик гремел чайником.

Из главного зала доносились приглушенные всхлипы – Аудирей, кажется, все-таки плакал, стараясь, чтобы никто не слышал.

Где-то в городе, в своей тайной квартире с идеальным ремонтом, сестра Инга пила вино и радовалась, что сегодня у нее выходной.

А я сидел и думал: кто же ты такой, святой без имени?

И почему, прожив жизнь в смирении и чудесах, после смерти ты решил потратить свое первое посмертное чудо на то, чтобы указать пальцем на толстого неуклюжего жреца, который всего лишь хотел, чтобы его хоть кто-то заметил?

Кружка молчала.

Кружка умела хранить тайны.

Я допил холодный чай, закрыл папку и пошел домой.

—

Завтра суббота.

В субботу в Шестом храме тихо.

Обычно.

Глава 3, в которой сестра Инга пришла с проблемой, демон оккупировал шкаф, а я узнал, что у формы 3-С есть инструкция

После субботы наступает воскресенье.

В Шестом храме воскресенье – день официально выходной, но это не значит, что никто не приходит. Это значит, что приходящим приходится ждать, пока Гарик допьет чай и соизволит открыть дверь.

В это воскресенье чай допить не дали.

Я сидел в каморке, правил отчет за прошлый месяц (Аудирей все еще надеялся, что я смогу «скорректировать» запись о фонтане) и краем уха слушал, как Гарик во дворе ругается с голубями.

Голуби в Дракоярске – отдельная статья. Обычные городские голуби никого не интересуют. А вот жертвенные – это проблема. Их разводят при храмах, они привыкли к благословенной пище и святому зерну, и когда им перестают кидать крошки, они начинают мстить.

В прошлом месяце жертвенный голубь пробрался в алтарную и нагадил прямо в чашу для возлияний. Гарик потом полчаса читал лекцию о том, что «в его время голуби знали свое место и не путали священные сосуды с туалетом».

– Лени, – раздалось от двери.

Я поднял голову.

В проеме, заслоня весь свет, стояла сестра Инга.

Это было само по себе событие. Инга никогда не приходила в храм по воскресеньям. Инга вообще редко приходила в храм – она появлялась всегда неожиданно, делала что-то крайне полезное и исчезала раньше, чем кто-либо успевал сказать «спасибо».

– Заходите, – сказал я.

Она вошла.

Села на табурет.

Табурет издал звук, похожий на предсмертный хрип мамонта.

– Надо бы смазать, – сказал я.

– Надо бы выкинуть, – сказала Инга.

Табурет обиженно замолчал.

Инга положила меч на колени. Посмотрела на мою кружку.

– Чай?

– Бергамот, – сказал я. – Гарик заваривает крепкий, я разбавляю. Хотите?

– Нет.

– Я не настаиваю.

– Я не пью чай на работе.

– У вас сегодня выходной.

– Именно. Поэтому я не пью чай на работе в выходной.

Логика была безупречна. Я отставил кружку.

– У меня проблема, – сказала Инга.

– С демонами?

– С демоном.

– Крупный?

– Маленький.

– Агрессивный?

– Нет.

- Одержимый?
- Нет. Он просто... живет.

Я моргнул.

- Где?

Инга посмотрела на меня с выражением, которое бывает у человека, который три дня решался на этот разговор, полдня добирался до храма и теперь очень хочет, чтобы я прочитал ее мысли, а не вытягивал клешнями.

- В шкафу, – сказала она.
- В каком шкафу?
- В моем.
- В шкафу в вашей квартире?
- Да.

- Я надеялась, что он уйдет сам.

Я отложил перо. Это становилось серьезно.

Шкаф сестры Инги оказался отдельным миром.

Я, честно говоря, ожидал чего-то аскетичного. Койка, стул, вешалка для доспехов. Инга не производила впечатление человека, который коллекционирует фарфоровых слоников или разводит кактусы.

Но я недооценил понятие «жилплощадь боевого паладина».

Квартира находилась в центре Дракоярска, на третьем этаже старого купеческого дома. Высокие потолки, лепнина, паркет «елочкой». В прихожей висело зеркало в тяжелой дубовой раме, а под зеркалом стояла тумбочка, на которой аккуратно, стопочкой, лежали перчатки.

- Вы здесь живете? – спросил я.

- Да.
- Одна?
- Да.
- И давно?
- Пятнадцать лет.

Я оглядел идеально чистый коридор, идеально прямые картины на стенах и идеально закрытые двери.

- А демон, – сказал я, – он где?

Инга молча указала на шкаф.

Шкаф стоял в углу спальни.

Огромный, дубовый, под старину. Резные створки, бронзовые ручки, патина на углах. Такой шкаф мог бы стоять в музее или в доме коллекционера антиквариата. Или в спальне пенсионерки, которая до сих пор хранит приданое.

Изнутри доносилось тихое, размеренное сопение.

- Он спит, – сказала Инга шепотом.

- А когда не спит?

– Смотрит.

- На что?

- На меня.

Она помолчала.

- Иногда на носки.

- На носки?

– У меня в шкафу лежат носки. Он их перебирает. Не ест, не портит, просто... переключает. Я перестала понимать систему на третий день.

Я подошел ближе.

Сопение усилилось.

- Он опасен? – спросил я.
- Нет.
- Вы пытались его выгнать?
- Да.
- И?
- Он обижается.
- Обижается?

Инга вздохнула. Это был самый тяжелый вздох в моей жизни. Я думал, Гарик умеет вздыхать – но Гарик отдыхает. У Гарика вздох – это философское принятие неизбежного. У Инги – констатация полного краха системы ценностей.

– Когда я пытаюсь его выгнать, – сказала она, – он начинает плакать. Не громко. Так, всхлипывает. И из углов шкафа начинает сочиться слизь.

– Слизь?

– Не вонючая, не липкая, не ядовитая. Просто... влажная. Прозрачная. Она стекает по стенкам и капает на пол. Приходится протирать.

– А если не выгонять?

– Тогда он успокаивается, перестает плакать, слизь исчезает, и он снова перебирает носки. Или перчатки. Вчера начал перебирать перчатки.

Я посмотрел на шкаф.

Шкаф смотрел на меня всей своей резной фактурой.

– Сестра Инга, – сказал я. – А вы не думали, что это... не совсем демон?

– А кто?

– Ну, может, это...

Я запнулся. Потому что то, что я собирался сказать, звучало глупо даже в моей голове.

– Может, это просто... шкафный?

– Шкафный кто?

– Дух. Хранитель шкафа. Такое бывает. Не у всех, но если вещь старая, долго живет на одном месте, в ней может поселиться эфемерная сущность. Они не опасны. Они просто... привязываются.

Инга смотрела на меня так, будто я предложил завести кота и назвать его «Демон Апокалипсиса Мурзик».

– Я боевой паладин, – сказала она. – Я убиваю демонов, а не развожу шкафных духов.

– Тогда убейте его.

– Я же говорю – он плачет.

– Ну, так убейте и не слушайте.

Инга посмотрела на шкаф.

Шкаф вздохнул во сне.

– Не могу, – сказала она тихо. – Я когда в детстве хотела завести щенка, мама сказала: «Заведи, но если он будет плакать ночью – выкинешь на улицу». Я завела. Он плакал. Я не выкинула.

Она помолчала.

– Щенка потом съел демон.

– ...

– Но это уже другая история.

Я решил не спрашивать.

Мы вернулись в храм через час.

Инга несла шкаф.

Не на плече, не волоком, не на тележке – она просто взяла его за бронзовые ручки, оторвала от пола и понесла перед собой, как огромный, неудобный, но очень ценный поднос.

Я шел рядом и чувствовал себя официантом в ресторане, где подают дубовые гарнитуры. Прохожие оборачивались.

– Боевой паладин, – объяснял я тем, кто смотрел слишком долго. – У нее меч на поясе, видите?

– Видим, – сказал какой-то дед с авоськой. – А шкаф зачем?

– Демон внутри.

Дед кивнул, как будто каждый день видел женщин с мечами, таскающих по улице шкафы с демонами.

– А, ну тогда ладно.

И пошел дальше по своим дедовским делам.

В храме нас встретил Гарик.

Он как раз менял воду в чайнике, глянул на дверь, увидел шкаф, поставил чайник обратно на плитку.

– О, – сказал он. – Шкаф.

– Шкаф, – подтвердил я.

– Чей?

– Ингин.

– А чего он тут?

– В нем демон.

Гарик посмотрел на шкаф. Шкаф стоял посреди главного зала, рядом с фонтаном, и выглядел так, будто всегда здесь был.

– Приличный демон? – спросил Гарик.

– Не знаю, – честно сказал я. – Мы его еще не видели.

– А чего хотите?

– Чтобы он вышел.

– А он не хочет?

– Он хочет сидеть в шкафу и перебирать носки.

Гарик крякнул.

– Ну, – сказал он. – Бывает.

Он подошел к шкафу, постучал костяшками по створке.

– Эй, мелкий! Слышь!

Шкаф молчал.

– Нормальный? Агрессии нет? В Бездну не тянет?

Тишина.

– Ладно, – сказал Гарик. – Потом разберемся.

И пошел обратно к чайнику.

Аудирей появился через пятнадцать минут.

Его позвали. Я позвал. Потому что если уж в храме демон – даже маленький, даже плачущий, даже сидящий в шкафу и перебирающий носки – пусть Верховный Жрец занимается своим делом.

Аудирей вошел в зал, увидел шкаф, увидел Ингу, увидел меня, увидел Гарика, который уже принес из подсобки старый стул и уселся смотреть представление.

– Демон, – сказал Аудирей таким тоном, будто констатировал факт конца света. – В храме.

– В шкафу, – уточнил Гарик.

– В Ингином шкафу, – добавил я. – Она принесла.

– Зачем?!

– Чтобы вы изгнали, – сказал я. – Вы же Верховный Жрец.
Аудирей замер.

Я смотрел на него. Инга смотрела на него. Гарик смотрел на него. Даже шкаф, кажется, смотрел на него.

– Изгнать, – повторил Аудирей. – Демона.

– Да.

– Из шкафа.

– Да.

Он медленно обвел взглядом зал, шкаф, Ингу, меня, Гарика, снова шкаф.

– У меня, – сказал он, – для этого есть специальный обряд.

– Отлично, – сказал я.

– Я учил его в семинарии.

– Замечательно.

– Тридцать лет назад.

– ...

– И ни разу не применял.

Гарик хмыкнул.

– Я и посох этот специальный купил, – добавил Аудирей жалобно. – Для экзорцизма. Дорогой, между прочим. Из южного тиса. С серебряным навершием.

– Где он? – спросил я.

– В подсобке стоит. Я им дверь подпираю.

Гарик крикнул громче.

– Ладно, – сказал Аудирей, набирая воздух в грудь. – Давайте сюда вашего демона. Разберемся.

Он подошел к шкафу, обошел его кругом, заглянул в замочную скважину, постучал по крышке.

– Спит? – спросил он шепотом.

– Спит, – сказала Инга. – Но когда проснется – будет плакать.

– Плакать?

– И из углов пойдет слизь.

Аудирей выпрямился.

– Я должен подготовиться, – сказал он. – Молитвы. Свечи. Ладан. Посох. Тот, с серебряным навершием. Где ключ от подсобки?

– У Гарика, – сказал я.

– У Гарика нет, – сказал Гарик. – У Гарика ключ потерялся. Я дверь ломиком открываю.

– А ломик где?

– В подсобке.

Аудирей закрыл глаза.

Я налил ему чаю.

Обряд изгнания начался в четыре часа дня.

К этому моменту в храме собрались все, кому было нечем заняться в воскресенье: Тибон, двое послушников, Гарик с новым чайником, я с формой 3-С (на всякий случай) и, конечно, Инга.

Инга сидела на скамье у колонны и смотрела на шкаф с выражением, которое я никак не мог расшифровать.

Аудирей облачился в ритуальное облачение. Не парадную мантию – ту, что после фонтана так и не отстиралась, – а специальную, для экзорцизма. Черную, с красной каймой, расшитую символами изгнания.

Символы были вышиты кривовато. Аудирей, кажется, делал это сам. Или заказывал у мастерицы, у которой тряслись руки.

– Именем Света! – провозгласил он, воздевая посох (серебряное навершие, кстати, выглядело внушительно). – Именем Равновесия! Именем Первого Храма и Второго Храма и всех последующих, включая Шестой!

– Включая, – шепнул Гарик. – А то вдруг обидятся.

– Именем Творца, изгонявшего тьму на заре времен! – продолжал Аудирей, входя в раж.

– Именем святых мучеников, чьи мощи покоятся в наших стенах!

– У нас нет мощей, – сказал Тибон.

– Теперь есть, – сказал я. – В подсобке, на полке «Неопознанные».

Аудирей сбился, но быстро нашелся:

– Именем всех известных и неизвестных святых, чьи мощи находятся в нашем храме или будут находиться в будущем!

– Прозапас, – одобрил Гарик. – Молодец.

– Приказываю тебе, нечистая сущность, – Аудирей ткнул посохом в сторону шкафа, – покинуть сие вместилище и вернуться в Бездну, откуда ты явилась!

Шкаф молчал.

Аудирей подождал.

– Изыди! – повторил он громче.

Шкаф молчал.

– ИЗЫДИ!

И тут шкаф проснулся.

Сначала из-за створок донеслось тихое, жалобное поскуливание. Потом – всхлип. Потом – серия коротких, прерывистых вздохов, как у ребенка, который вот-вот разрыдается.

– Ой, – сказал Тибон.

– Началось, – сказал Гарик и отставил чайник.

А потом из щелей шкафа начала сочиться слизь.

Не вонючая, не липкая, не ядовитая. Просто... влажная. Прозрачная. Она стекала по дубовым панелям тонкими ручейками и капала на пол, оставляя на мозаике Творца мокрые пятна.

Мозаика, кстати, изображала момент изгнания тьмы. Очень символично.

– Он плачет, – сказала Инга.

– Я вижу, – сказал Аудирей.

– Он плачет, потому что вы на него кричите.

– Я не кричу, я изгоняю!

– Он не понимает разницы.

– А какая разница? – искренне удивился Аудирей. – Изгнание – оно по определению громкое. В учебнике было написано: «Глас изгоняющего должен быть тверд и громок, дабы утратить нечистую силу».

– Вы его не утратили, – сказала Инга. – Вы его расстроили.

Шкаф всхлипнул громче.

Аудирей растерянно опустил посох.

– А как его тогда изгонять? – спросил он. – Шепотом?

– Может, его не изгонять, – осторожно предложил Тибон, – а... переселить?

– Куда? – спросил я.

– Ну, у нас в подсобке есть свободные полки. Секция «Неопознанные артефакты». Там тихо, темно, никто не ходит. Только святой без имени, но он молчаливый.

– Он хочет жить в шкафу, – сказала Инга. – В моем шкафу. С моими носками.

– А в храме есть носки? – спросил Тибон.

– Нет, – сказал Гарик. – Но я могу принести из дома.

Все посмотрели на Гарика.

– Что? – сказал он. – У меня есть старые, штопаные. Я все собирался выкинуть, да рука не поднималась. Двадцать лет лежат, уже сроднился. А тут – глядишь, доброе дело сделаю.

– Гарик, – сказал я. – Ты хочешь отдать свои носки демону?

– А чего носкам пропадать? – резонно заметил Гарик. – Они свое отслужили. А ему – радость. И никакой слизи.

Шкаф перестал плакать.

Слизь замедлилась.

– Кажется, – сказал я, – ему понравилась идея.

Через час вопрос был решен.

Гарик сходил домой и принес пакет с носками. Я не стал уточнять, сколько именно десятилетий они ждали этого часа. Тибон освободил нижнюю полку в секции «Неопознанные артефакты» и застелил ее чистой тряпкой.

Аудирей, все еще бледный, но уже не такой растерянный, прочитал короткую молитву «О даровании крова бездомной сущности».

– Никогда не думал, что буду применять эту молитву, – признался он. – Ее в семинарии давали для общего развития. Как «Этикет при встрече с высшими ангелами» или «Поведение на божественных приемах».

– Пригодилось, – сказал Гарик.

– Да уж, – вздохнул Аудирей. – Век живи – век учись. Вчера демоны в шкафах, завтра, наверное, сами боги будут проситься на постой.

– Не каркайте, ваше святейшество, – сказал Гарик.

Инга собственноручно перенесла шкаф в подсобку.

– Поставьте его к стене, – сказал Гарик. – Чтобы он видел окно.

– Он любит смотреть в окно? – спросил Тибон.

– Понятия не имею, – сказал Гарик. – Но все любят смотреть в окно. Даже демоны.

Шкаф поставили к стене.

Гарик положил на полку носки. Три пары, аккуратно сложенные, штопка к штопке.

– Пусть привыкает, – сказал он. – Остальные потом принесу.

Шкаф вздохнул – на этот раз не жалобно, а удовлетворенно – и затих.

Инга стояла в дверях подсобки и смотрела на него.

– Я могу навещать его, – сказала она. Это был не вопрос.

– В приемные часы, – сказал Гарик. – Среда, пятница, до обеда.

– Я работаю в среду и пятницу.

– Тогда по воскресеньям. Но не позже шести, я закрываю храм.

– У вас воскресенье – выходной.

– Значит, буду работать воскресенье. Не впервой.

Инга кивнула.

Она постояла еще минуту, глядя на шкаф, который теперь стал храмовым имуществом, развернулась и пошла к выходу.

В дверях она остановилась.

– Лени, – сказала она, не оборачиваясь.

– Да?

– Тот щенок... его правда съел демон.

– Я помню.

– Но я все равно рада, что завела.

Она вышла.

В храме стало тихо.

Вечером я сидел в каморке и заполнял форму.

Форма 3-С, графа 1: «Наименование сущности».

«Не установлено. Предположительно – шкафный дух.».

Графа 2: «Цель визита».

«Постоянное проживание. В связи с утратой прежнего места жительства (шкаф сестры Инги)».

Графа 3: «Нанесенный ущерб».

«Отсутствует. Имеются следы слизи (устранены Гариком)».

Графа 4: «Принятые меры».

«Сущность перемещена в подсобное помещение Шестого храма, обеспечена коробкой с носками (предоставлены Гариком). Верховным Жрецом проведен обряд адаптации. Сестра Инга уведомлена о порядке посещения».

Я отложил перо.

За стеной Гарик гремел чайником.

В подсобке, на нижней полке секции «Неопознанные артефакты», спал маленький демон, который больше не плакал, потому что у него теперь был свой шкаф и чужие штопаные носки. Рядом, на соседней полке, лежали мощи святого без имени – они пока не проявляли активности, но Гарик на всякий случай задвинул их подальше.

– Чтоб не смущали друг друга, – объяснил он.

Где-то в городе сестра Инга сидела в своей идеально чистой квартире, смотрела на пустой угол, где раньше стоял шкаф, и, наверное, впервые за пятнадцать лет думала о том, чтобы завести кота.

Или еще один шкаф.

Аудирей, судя по звукам из его кельи, пытался отстирать ритуальную мантию от слизи.

Судя по ритмичному бормотанию – безуспешно.

Я посмотрел на кружку.

Чай остыл.

– Завтра понедельник, – сказал я вслух.

Кружка молчала.

Кружка знала, что в понедельник в храме обычно тихо. Ни богов, ни демонов, ни внезапных инспекций. Только отчеты, чай и Гарик, который будет полдня рассказывать, как в его время демоны умели вести себя в гостях.

Но «обычно» – это не про нас.

Глава 4, в которой Порядок требовал компенсацию за ущерб восьмисотлетней давности, Хаос просил субсидию на беспорядки, а Верховный Жрец Аудирей в очередной раз доказал, что диплом семинарии – это всего лишь бумага

Понедельник в Шестом храме – день приемный.
Теоретически.

Практически – в понедельник обычно либо никого, либо Гарик с утра забывает открыть дверь, и первые посетители час стучат, потом уходят в храм напротив, а оттуда уже не возвращаются, потому что там хоть ладан свежий.

В этот понедельник Гарик дверь открыл.

И, кажется, сам об этом пожалел.

В 8:15 я сидел в каморке, допивал первую кружку и правил отчет за прошлую среду (в графе «принятые меры» Аудирей собственноручно дописал «проявлено мужество», пришлось зачеркивать).

В коридоре было тихо.

Потом раздался стук.

Не в дверь. По полу. Ритмичный. Четкий. Так стучит трость человека, который никогда никуда не опаздывает, потому что все расписано по минутам с учетом поправки на вращение планеты.

Я отложил перо.

– Гарик, – крикнул я в коридор, – у нас кто-то пришел?

– А я знаю? – донеслось из подсобки. – Я чайник только поставил.

– Так посмотри.

– Успеется.

Стук приблизился.

В проеме главного зала возникла фигура.

Высокая. Сухая. Мантия – ни складки. Посох – не посох, а линейка. Металлическая, с гравировкой шкалы от нуля до бесконечности. Вместо нимба – табель учета рабочего времени. Прозрачный, парящий над головой, каждая минута подсвечена зеленым.

– Шестой храм Равновесия, – произнес он. Не спросил. Утвердил.

Я узнал его по картинке в «Кодексе Божественных Сущностей», том 1, страница 3.

Порядок.

– Доброе утро, – сказал я, на всякий случай поправив стопку бумаг на столе. – Чем обязаны?

Он не ответил. Он стоял в дверях и медленно обводил взглядом зал.

Криво висящую икону Творца.

След от кружки на подоконнике.

Фонтан, в котором уже третью неделю плавал одинокий лавровый лист (Гарик сказал, что «это дизайн»).

– Запрос, – сказал Порядок. – Заявление. Иск. Требование. Выберите формулировку, соответствующую вашему уровню бюрократической компетенции.

– Я... – начал я.

– Компенсация, – перебил он. – За ущерб, нанесенный в ходе Войны Трех Стихий.

Период: 812–817 годы Эпохи Порядка. Объект ущерба: личная библиотека. Подтверждаю-

щие документы: акт оценки, три свидетельских показания, справка из архива Первого храма, выписка из реестра божественного имущества.

Он положил на стол папку.

Папка была толщиной с череп дракона. На обложке золотым тиснением: «ДЕЛО № 812/817-П. НЕ ПЕРЕСТАВЛЯТЬ. НЕ ПОДКЛАДЫВАТЬ ПОД НОЖКУ СТОЛА. НЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ КАК ПРЕСС-ПАПЬЕ».

– Война... – я моргнул. – Восемьсот лет назад?

– Восемьсот четырнадцать лет, три месяца и семь дней, – поправил Порядок. – С учетом поправки на високосные годы божественного календаря.

– И вы только сейчас...

– Процедура подачи заявлений в военное время была заблокирована. После войны открылось окно приема претензий. Окно длилось триста лет. Я не успел.

– Почему?

– Я был занят систематизацией постконфликтного хаоса.

Он сказал это таким тоном, будто «постконфликтный хаос» был личным оскорблением.

– Сейчас, – продолжил он, – открылось повторное окно. Я здесь.

Я открыл папку.

Там были бумаги. Бумаги, которые пахли тысячелетием. Бумаги, которые, кажется, помнили еще ту войну лично. Края желтые, чернила выцвели до коричневого, но каждая буква стояла на своем месте, как солдат в строю.

– Какую сумму вы хотите... – начал я.

– Не сумму, – перебил Порядок. – Восстановление. Двести сорок три фолианта. Шестидесять семь свитков. Двенадцать гримуаров в кожаном переплете с серебряными застежками. Три экземпляра «Основ метафизической статистики» с автографом автора. Я составил опись.

Он протянул еще одну папку.

Я не успел ее взять.

Потому что в этот момент в храме закончился порядок.

Сначала я подумал, что упала люстра.

Потом – что прорвало трубу с эфиром.

Потом – что Тибон снова пытался подружить мощи с демоном, и на этот раз они все-таки открыли портал в Бездну.

Но это был не Тибон.

Это был Хаос.

Он не вошел.

Он протек.

Сначала – дверная щель. Потом – замочная скважина. Потом – трещина в косяке, которой еще утром не было, а теперь она была, и из нее сочилось что-то разноцветное, искристое и пахнущее одновременно озоном, жженым сахаром и чьей-то несбывшейся мечтой.

– У вас тут дверь, – сказал Хаос, обретая форму прямо посередине зала, – она закрывается. Это неудобно. Я люблю, когда двери открыты. Или закрыты, но не до конца. Или вообще нет двери, а просто проем. Или несколько проемов. Или ни одного, но тогда непонятно, где вход.

Он осмотрелся.

– А, – сказал он, заметив Порядка. – Ты здесь.

– Я здесь, – сказал Порядок, не оборачиваясь. – По расписанию.

– А я без расписания, – радостно сообщил Хаос. – Я вообще без ничего. Я спонтанный. Как гроза. Как выигрыш в лотерею. Как вдохновение в три часа ночи, когда завтра сдавать отчет.

– У меня отчет сдан в 1157 году, – сказал Порядок. – Досрочно.

– Я не сомневаюсь.

Порядок медленно, очень медленно, повернул голову.

– Ты, – сказал он, – зачем пришел?

– А, – Хаос картинно вздохнул. – У меня тут субсидия. На проведение массовых беспорядков. Требуется согласование с местным культовым учреждением.

Он вытащил из складок своей мантии (которая меняла цвет каждые две секунды) скомканный лист.

Лист был мятый, в пятнах, с одной стороны – явно чей-то список покупок (хлеб, молоко, эссенция безвремени), с другой – криво написанное заявление.

– Здесь, – Хаос ткнул пальцем в кляксу. – Я поставил подпись. Осталось только, чтобы вы поставили печать и сказали, что беспорядки будут культурными. Или духовными. Или исторически значимыми. Мне без разницы, главное – чтоб дали деньги.

Он улыбнулся. У него было где-то полтора рта, и все улыбались.

Порядок закрыл глаза.

– Массовые беспорядки, – произнес он ледяным тоном, – не являются предметом субсидирования из фонда поддержки культовых мероприятий.

– А если я назову их «спонтанный перформанс»?

– Нет.

– «Ритуальная дезорганизация пространства»?

– Нет.

– «Праздник непослушания»?

– Нет.

– А если я приглашу жонглеров?

Порядок промолчал. Но его папка, кажется, стала на полградуса холоднее.

В этот момент в зал вбежал Аудирей.

Он вбежал, споткнулся о порог, взмахнул руками, удержал равновесие (чудо, достойное отдельной записи в хронике) и замер, глядя на двух богов.

– Вы... – выдохнул он. – Вы... ко мне?

– К учреждению, – сказал Порядок.

– К тебе, – сказал Хаос.

Аудирей расправил плечи.

Мантия сегодня была чистая. Ну, относительно. Гарик вчера пытался вывести фонтанные разводы уксусом – теперь от мантии пахло винегретом, но выглядела она почти прилично.

– Я Верховный Жрец Аудирей, – провозгласил он. – Представитель Шестого храма перед лицом божественных сущностей. Чем могу служить?

– Мне нужна компенсация, – сказал Порядок. – Документы на столе.

– А мне нужна субсидия, – сказал Хаос. – Документы... где-то... я их нес...

Он начал рыться в складках мантии. Оттуда посыпались: три игральные кости, огрызок яблока, перо неизвестной птицы, монетка неопределимого номинала и еще один скомканный лист, на этот раз – с явными следами того, что им вытирали руки.

– Вот! – Хаос торжественно водрузил лист на стол поверх папки Порядка.

Порядок посмотрел на лист. На пятно. На отпечаток пальца, размазанный по графе «цель мероприятия».

– Это неприемлемо, – сказал он.

– Это творчески, – возразил Хаос.

– Это нарушение пункта 4.3.1. «Оформление заявлений должно производиться на стандартных бланках установленного образца».

– А у меня свой образец.

– Твой образец – салфетка.

- Это пергамент ручной работы. Из тростника. Я сам его делал.
 - Из чего?
 - Ну... тростник рос у дороги. Я его сорвал. Потом высушил. Потом размочил. Потом...
 - Ты не сушил, – перебил Порядок. – Ты размочил и забыл. Это плесень.
 - Это патина!
 - Это плесень.
 - Патина благородная!
 - Плесень. Низшая. Грибковая.
- Хаос обиженно замолчал.

Аудирей переводил взгляд с одного на другого, как зритель на теннисе, который не успевает за мячом.

– Господа, – сказал он, – господа боги... может, мы решим вопрос в порядке очередности?

– Я пришел первым, – сказал Порядок.

– Я материализовался раньше, – сказал Хаос. – Материализация – тоже форма прибытия. Даже более чистая. Без посредников. Без дверей. Без унижительного стука в закрытую дверь, между прочим.

Он с укором посмотрел на вход.

Дверь, кажется, почувствовала себя виноватой.

– Господа, – повторил Аудирей, пытаясь вернуть контроль. – У нас есть процедура. У нас есть формы. У нас есть... у нас есть я. Верховный Жрец. Я уполномочен...

– Ты уполномочен ставить печати, – перебил Порядок. – Твоя компетенция зафиксирована в пункте 12.7.4 «Договора о Приемных Часах». Цитирую: «Верховный Жрец местного культового учреждения имеет право удостоверять документы, подтверждать личность сущностей и выдавать расходные материалы при наличии соответствующих полномочий». Полномочия на выдачу компенсаций у тебя отсутствуют.

Аудирей открыл рот.

Закрыл.

– Но я могу... – начал он.

– Ты можешь принять документы, – сказал Порядок. – Зарегистрировать. Передать выше. Ждать ответа. Срок рассмотрения – от шести до восьми месяцев.

– А у меня? – встрял Хаос. – У меня есть полномочия?

– У тебя нет ничего, кроме салфетки с плесенью.

– Патина!

– Плесень. Я настаиваю на термине.

– А я настаиваю на субсидии!

– Ты не можешь настаивать. Ты не подал заявку в установленном порядке.

– Я подал! – Хаос ткнул пальцем в лист. – Вот она!

– Это не заявка. Это черновик.

– Это творческий черновик!

– Черновики не принимаются к рассмотрению.

– А если я перепишу?

– Тогда это будет уже другой черновик.

– А если я перепишу красиво?

– Красота не является критерием валидности.

Аудирей стоял между ними, и с каждой секундой его лицо приобретало все более затравленное выражение.

– Я могу... – попытался он снова. – Я могу помочь с оформлением...

– Ты не можешь, – отрезал Порядок, не глядя на него. – У тебя на мантии пятно от уксуса. Это нарушает пункт 8.2.1. «Внешний вид представителя храма должен соответствовать статусу учреждения».

Аудирей машинально посмотрел на подол.

– Это... это выводили...

– Не вывели, – констатировал Порядок. – Зачет не пройден.

Аудирей побледнел.

– И еще, – добавил Порядок, бегло взглянув на него. – У тебя на воротнике нитки. Ты сам пришивал пуговицу?

– Да, – прошептал Аудирей. – Я...

– Криво, – сказал Порядок. – Стежок 4.2 миллиметра, норматив – 3.5. Рекомендую переделывать.

Аудирей затравленно посмотрел на меня.

Я развел руками. Я тут вообще случайно. Я только чай пью.

Хаос, видя, что его конкурент занят уничтожением самооценки Верховного Жреца, начал действовать.

Он подхватил свою «заявку», подошел к Аудирею вплотную и доверительно, почти шепотом, произнес:

– Слушай. Ты же жрец. Ты понимаешь в духовном. Беспорядки – это же очень духовно. Это же выход энергии. Это же катарсис. Это же...

Он задумался.

– ...очищение скверны, – подсказал я.

– Да! – обрадовался Хаос. – Очищение скверны! Массовое! Спонтанное! С битьем витрин! Но витрины – это же скверна? Или не скверна? Ладно, витрины можно не бить. Можно просто шуметь. Ты поставишь печать – я получу субсидию – мы устроим шум – все будут счастливы.

Аудирей смотрел на него с ужасом и надеждой одновременно.

– Я не могу поставить печать на... на салфетку, – выдавил он.

– А если я нарисую на салфетке рамку?

– Это не меняет сути.

– А если я наклею салфетку на официальный бланк?

– У нас нет официальных бланков для субсидий на беспорядки.

– А для чего у вас есть бланки?

– Для... – Аудирей запнулся. – Для свидетельств явлений. Для актов приема-передачи.

Для учета ущерба...

– Отлично! – Хаос просиял. – Давай бланк для ущерба! Я напишу, что беспорядки – это ущерб тишине и покою. А тишина и покой – это враги прогресса. Значит, нанося ущерб тишине, мы помогаем прогрессу. А за помощь прогрессу полагается субсидия!

– Это... – Аудирей открыл рот. – Это...

– Это софистика, – сказал Порядок, не оборачиваясь. – Недействительная аргументация. Исключается пунктом 3.2.7.

– А ты вообще молчи! – огрызнулся Хаос. – Ты со своей компенсацией восемьсот лет тянул, а теперь пришел и учишь меня бюрократии?

– Я не учу. Я констатирую.

– Ты констатируешь, а я творю!

– Ты не творишь. Ты мусоришь.

– Где я мусорю?

– Везде, где появляешься.

– Это не мусор, это следы присутствия!

– Это мусор. У тебя из кармана сыплются огрызки.

Хаос посмотрел на пол. Под ним действительно валялся яблочный огрызок, три монетки и что-то, похожее на засохшую виноградину.

– Это не мусор, – сказал он. – Это подношение. Я оставляю дары мертвым. Берите, людишки! Питайтесь! Богатейте! Вот, держи, – он поднял монетку и протянул Аудирею. – Это тебе. За душевность.

Аудирей взял монетку.

Монетка была с дырочкой. И непонятным годом чеканки. И, кажется, чьим-то зубом на аверсе.

– Спасибо, – растерянно сказал Аудирей. – Я... положу в казну.

– Положи в карман, – посоветовал Хаос. – На удачу. Или в носок. Говорят, в носках удача задерживается дольше.

Порядок издал звук. Я не знаю, можно ли назвать это вздохом. Это был скорее акт капитуляции нервной системы перед абсурдом.

Дальше было хуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.